

Механизм возникновения голода в СССР в начале 1930-х гг.

Голод 1932 – 33 гг. в СССР – одна из самых трагических страниц в отечественной истории и мировой истории XX века. Этот голод в глазах мировой общественности стал одним из символов сталинизма, свидетельством его подлинной сущности как политического режима и исторического феномена.

Данная тема имеет уже долгую историографическую традицию. Но у истоков её подлинно научного осмысления стояли В.П. Данилов и участники организованного им его зарубежными коллегами международных проектов «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД». Суть подхода В.П. Данилова и его коллег к проблеме сводилась в доказательстве факта неразрывной связи голода начала 1930-х гг., кульминацией которого явилась трагедия 1932 – 33 гг., с начавшейся в СССР форсированной индустриализацией, проводимой сталинским руководством за счёт безжалостной выкачки ресурсов из деревни с помощью политики коллективизации на основе раскулачивания¹.

Разделяя концептуальный подход В.П. Данилова и его коллег – единомышленников, а также основываясь материалах научного проек-

---

¹ См.: Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. С. 23 – 27.

та Федерального архивного агентства «Голод в СССР. 1929 – 1934 гг.»² и других источниках, попытаемся тезисно, не претендуя на бесспорность и категоричность суждений и оценок, следующим образом охарактеризовать механизм возникновения в СССР голода в начале 1930-х гг., кульминацией которого явилась трагедия 1932 – 33 гг. То есть, в центре нашего внимания причины трагедии. Такие важнейшие её аспекты, как масштабы, региональные особенности и демографические последствия голода не рассматриваются в данной статье.

Итак, первый тезис. Причины голода следует искать в комплексе факторов объективного и субъективного характера. Объективным фактором голода была индустриальная модернизация страны, как исторически закономерное явление и, как свидетельствует мировая история, всегда сопровождающееся лишениями и страданиями миллионов людей, в том числе в России, как это было, например, во время первого «Царя-голода» 1891 – 92 гг.³ То есть, имеющая объективный характер модернизация всегда имеет свою цену в человеческих жизнях.

Её величина определялась и определяется конкретными действиями власти, осуществляющей модернизацию в конкретно-исторической обстановке, под влиянием комплекса объективных и субъективных причин.

Применительно к рассматриваемой теме речь идет о действиях Советской власти, на рубеже 1920-х-30 гг. в продолжившей начатую царским самодержавием индустриальную модернизацию страны, но уже в «сталинском варианте».

---

² См.: Козлов В.П. Предисловие. Голод в СССР. 1930 – 1934 гг. Famine in the USSR. 1930 – 1934. М., 2009. С. 6–8.

³ См.: Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2 Т. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 1. С. 533.

Поэтому главным субъективным фактором трагедии была политика правящего сталинского режима, сделавшим цену индустриальной модернизации СССР ужасной с точки зрения принципов гуманизма и человеческой морали. Общественности хорошо известен этот факт, и он не нуждается в доказательстве. В частности, исследователями доказана гибель от голода в 1932 – 33 гг. миллионов советских крестьян и жителей городов⁴.

Гораздо сложнее объяснить причины подобного феномена. Они обсуждаются в литературе и, на наш взгляд, выводят нас на проблему темпов индустриализации, её источников, которая в более широком смысле является проблемой НЭПа, причин его недолговечности и слова сталинистами⁵.

Вне зависимости от идейных и политических пристрастий все исследователи единодушны во мнении о неизбежности реформирования сельского хозяйства СССР, существовавшего в годы НЭПа. НЭП никогда не был крестьянским раем. Недоедание, голод в 1924 – 25 гг., аграрное перенаселение вот его постоянные спутники. Причины подобного явления лежали в низком уровне сельскохозяйственного производства, который в свою очередь определялся господством в деревне мелкотоварного индивидуального крестьянского хозяйства⁶. Это было наследие Великой русской революции и гражданской войны, завершившихся победой «крестьянской общинной революции», осуществивший, несмотря на все издержки большевистской диктатуры, кре-

---

⁴ См.: Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931 – 1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2001. С. 866 – 887.

⁵ См.: Как ломали НЭП. В 5-ти т. М.: 2000.

⁶ См.: Есиков С.А. Российская деревня в годы НЭПа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М.: РОССПЭН, 2010 и др.

стьянский идеал свободного хозяйствования на свободной земле⁷. Но это была «пиррова победа», поскольку, по точному определению М. Левина, произошла «архаизация деревни». Возник океан мелких крестьянских хозяйств, имевших низкую товарность производимой продукции⁸. К концу НЭПа они уже не справлялись с задачей обеспечения страны товарным хлебом.

Как известно, катализатором начала реальной аграрной реформы в СССР в «сталинском исполнении» стал кризис хлебозаготовок 1927/28 г., повлекший за собой введение в стране явочным путём карточной системы в городах, а затем и саму сплошную коллективизацию. В работах В.П. Данилова, О.В. Хлевнюка и других исследователей показано, что в сложившейся ситуации главным вопросом, по которому столкнулись сталинисты и их политические оппоненты – был вопрос о причинах кризиса хлебозаготовок и мерах по его ослаблению и ликвидации⁹.

Для Сталина кризис хлебозаготовок был саботажем кулачества, которое имело излишки хлеба, но не сдавало их государству в силу своих эгоистических и антигосударственных интересов. Для правой оппозиции проблема хлебозаготовок и возникшего в стране дефицита продовольствия имела другие корни – это отсутствие в деревне запасов хлеба в силу низкой производительности сельского хозяйства, а, вторых, усугублявшая эту проблему «чрезвычайщина» – проводимая

---

⁷ См.: Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. С. 26 – 28.

⁸ Левин М. Режимы и политические процессы в России в XX в. // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. С. 6.

⁹ См. Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 13 – 64; Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 27 – 28.

властью политика выколачивания из деревни всех имеющихся там запасов хлеба¹⁰.

В данном контексте возникает важнейший вопрос об альтернативе сталинской коллективизации, которая В.П. Данилову и другим исследователям виделась в программе правой оппозиции, так называемой «бухаринской альтернативе»¹¹.

Поэтому второй наш тезис – эта альтернатива существовала, а значит, существовала и альтернатива самой будущей трагедии. Но она существовала чисто гипотетически, так как правая оппозиция, в лице А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина и их сторонников, как известно, проиграла Сталину борьбу за власть, а, следовательно, лишилась возможности её осуществления.

Тем не менее, их позиция заслуживает внимания прежде всего с точки зрения лучшего понимания мотивов сталинского большинства, по которым они не поддержали её.

Суть подхода правых по выходу из возникшего в СССР в 1928 г. продовольственного кризиса как кризиса хлебозаготовок заключалась в снижении взятых темпов индустриализации, отказа от её проведения любой ценой. Технически это означало перераспределение имеющихся у государства средств, прежде всего валютных, на нужды населения, переживавшего серьезные продовольственные трудности в городе и на селе. В частности, в качестве меры ослабления набравшего силу в стране продовольственного кризиса Рыков и Бухарин предложили истратить валютные резервы СССР на закупку за рубежом до 150 млн.

---

¹⁰ См.: Как ломали НЭП. Т. 4.

¹¹ См.: Данилов В. П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: Человек, политик, ученый / под общ. В. В. Журавлева. М., 1990. С. 82 – 130.

пудов хлеба¹². На практике выполнение этих мер привело бы к замедлению темпов строительства флагманов первой пятилетки, и даже их временной консервации. По сути дела речь шла о резком торможении уже набравшего большую скорость локомотива индустриализации.

Из опубликованных источников видно, почему Сталин и его команда не поддержали вышеназванные меры оппозиции.

С точки зрения сталинского большинства, поддержка предложений правых по выходу из продовольственного кризиса в стране, порожденного кризисом хлебозаготовок, означала бы:

во-первых, неэффективное использование валютных средств, которых было очень мало и просто не хватило бы для принципиального изменения ситуации;

во-вторых, это означало бы замораживание ведущихся строек, на которых в условиях аграрного перенаселения и безработицы в деревне и городе, трудились сотни тысяч рабочих, в основном из крестьян (что с ними будет, если стройки остановятся?)

Наконец, реализация идей правых означала бы отказ власти от политической поддержки огромной массы активистов, уже несколько лет энергично осуществляющих в деревне принудительные хлебозаготовки, то есть подрыв собственной социальной базы, каковой в деревне являлась сельская бюрократия, растущая как на дрожжах в связи с усилением административного ресурса власти и начавшимися преобразованиями.

Кроме всего названного ситуация усугубилась отказом США и других западных стран предоставить СССР кредиты на индустриализацию.

---

¹² Как ломали НЭП. Т. 4. С. 298, 384 – 385 и др.

В результате сталинское руководство не пошло на корректировку и изменение своей политики форсированной индустриализации. Более того, оно резко активизировало её в 1930 г., начав сплошную коллективизацию, результатом которой стал голодный мор миллионов советских людей в 1932 – 33 гг.

Отсюда вытекает третий наш тезис. Сплошная коллективизация 1930 г., ускорившая цепь событий, приведших к трагедии, была осуществлена сталинским руководством в столь варварской форме и спешке потому, что именно в этом году ему потребовались значительные финансовые средства для сохранения взятых темпов индустриализации и самой индустриализации как таковой.

В частности, в 1930 г. необходимо было заплатить валютой за произведенное на западе и поставляемое в СССР промышленное оборудование для Днепрогэса, Челябинского и Сталинградского тракторного заводов, Магнитогорского металлургического комбината и других предприятий. Например, для Днепрогэса нужна была валюта, чтобы оплатить поставку из США фирмой «General Electric» пяти генераторов. Валюта требовалась и для оплаты труда иностранных специалистов, число которых постоянно росло в связи с ростом масштабов промышленного строительства. Например, в 1930 году планировалось начать строительство Харьковского тракторного завода и других объектов, требующих валютных средств¹³.

Ситуация сложилась так, что только экспорт хлеба мог дать СССР валюту в наиболее сжатые сроки и нужном количестве. Это были «быстрые деньги», в отличие от реализации других ресурсов, в том

---

¹³ Индустриализация СССР 1926—1941 гг. Документы и материалы. / Под ред. М. П. Кима. М.: Наука, 1970 и др.

числе, пресловутого ТОРГСИНА¹⁴. Они нужны были именно сейчас, а не через год или два, как это произошло с ТОРГСИНом.

О том, что ставка сталинского руководства в 1930 г. была сделана именно на указанный источник индустриализации, свидетельствуют материалы ноябрьского 1929 г. пленума ЦК ВКП(б). Нарком внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микоян 11 ноября 1929 г. заявил на пленуме: «...с лета 1930 г. перед нами вырастает реальная проблема экспорта хлеба»¹⁵.

Речь шла не просто о продолжении экспорта, а о возвращении с 1930 года СССР утерянного в результате революции прежнего статуса царской России как главного экспортера зерна в европейские страны. Сталинским руководством ставилась цель оттеснить с зернового рынка Европы доминировавших там основных конкурентов – США, Аргентину и Канаду. Для этого необходимо было вывезти туда не менее 5 млн. тонн зерна и сделать это быстро, опередив своих конкурентов¹⁶.

Могли ли мелкие крестьянские хозяйства решить эту проблему? Была ли гарантия, что в 1930 г. они посеют не меньше того, что было в прошлом и не сократят ещё больше свои посевы или вообще не сорвут посевную кампанию, как это было в годы пресловутого «военного коммунизма»? Кстати об этом предупреждали сталинистов правые, и процессы эти набирали силу в доколхозной советской деревне.

Поэтому, на наш взгляд, при принятии решения о начале «революции сверху» сталинское руководство не могло не учитывать данную реальность. В 1930 г. ему нужно было очень много хлеба, чтобы продолжить индустриализацию. И гарантировать его уже не могли выхо-

---

¹⁴ См.: Осокина Е. Золото для индустриализации: ТОРГСИН. М.: РОССПЭН, 2009.

¹⁵ Как ломали нэп. Т. 5. С. 83.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 41 – 42.

дившие из-под контроля и слабо управляемые крестьяне-единоличники. Их должны были заместить колхозы, показавшие свою управляемость во время кризиса хлебозаготовок с точки зрения выполнения государственных планов.

Для принятия такого решения у Сталина был и опыт предшествующих хлебозаготовительных кампаний, которые дали положительный результат с точки зрения выполнения плана, особенно в 1929 г., когда план был не только выполнен, но и впервые создан так называемый неприкосновенный хлебный фонд в 100 млн. пудов¹⁷. А то, что ценой за это стало наступление в 1930 г. голода в зерновых районах страны¹⁸, вождя не тревожило, поскольку все издержки списывались на засуху и «кулацкий саботаж», да и сам голод не выглядел чем то из ряда вон выходящим с точки зрения деревенской повседневности, и не только НЭПа, но и предшествующей истории страны¹⁹.

Кроме того в деревне ждали приказа вождя о продолжении «революции сверху» сотни тысяч преданных и верящих ему активистов, с менталитетом гражданской войны, и в большинстве своём молодые, делавшие стремительную бюрократическую карьеру (по переписи 1926 года 60% сельских жителей были моложе 30 лет).

Таким образом, у сталинского руководства имелись серьёзные основания и возможности для начала сплошной коллективизации в той форме, в какой она была осуществлена. Её целью была вполне прагматичная цель – увеличение товарности зернового производства с помощью колхозов ради получения «быстрых денег» (валюты) для обеспе-

---

¹⁷ Как ломали нэп. Т. 5. С. 80.

¹⁸ Голод в СССР. 1930–1934 гг. *Famine in the USSR. 1930–1934*. М., 2009. С. 30–84.

¹⁹ См.: Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Т. 1. С. 530–535.

чения не терпящих отлагательства текущих потребностей индустриализации.

Об этом неоднократно говорил сам И.В. Сталин своему ближайшему окружению в 1929 – 1930-х гг. Данный факт хорошо виден по многочисленным документам на тему хлебозаготовок рассматриваемого периода. Вот лишь некоторые примеры:

Из письма И.В. Сталина В.М. Молотову от 21 августа 1929 г.: «Хлебозаготовки в нынешнем году – основное в нашей практике, – если на этом сорвемся, все будет смято»²⁰.

Спустя неделю в другом письме он заявлял: «Если с хлебом выиграем, – выиграем во всем, и в области внутренней, и в области внешней политики»²¹.

Через год в письме тому же адресату вождь указывал: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут»²².

И наконец, в письме В.М. Молотову от 24 августа 1930 г. он подчеркивал: «Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 мил[лионов] пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинзавод и пр.) заводов»²³.

Анализируя механизм развития ситуации вокруг коллективизации и хлебозаготовок в 1929 – 1932 гг., приведших к трагедии, на наш взгляд, следует обратить внимание на такой аспект, который почти вы-

---

²⁰ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925 – 1936 гг.: Сб. док. М., 1995. С. 147.

²¹ Там же. С. 156.

²² Там же. С. 194.

²³ Там же. С. 203.

пал из поля зрения исследователей сталинской эпохи, как международный контекст, внешний фактор сталинской модернизации.

Речь не идёт о военной угрозе, которой не было, хотя обстановка на Дальнем Востоке, в Монголии и Манчжурии в начале 1930-х годов была весьма взрывоопасной из-за активной империалистической политики Японии. И об этом следует помнить применительно к хлебозаготовкам 1932 года, проходившим на этом фоне. Мы имеем в виду ситуацию в Европе, отношение ведущих европейских стран и США к СССР. Чтобы форсировать индустриализацию с помощью насильственной коллективизации сталинское руководство должно было получить поддержку извне. В частности, чтобы начать масштабный экспорт зерна в Европу надо было иметь гарантии, что его там купят. А зачем Европе советское зерно, если она уже давно заменила Советскую Россию другими поставщиками и могла бы дальше обойтись без её услуг?

Поэтому нами выдвигается ещё один тезис. Сталинский вариант индустриальной модернизации стал возможен из-за участия в нём ведущих европейских стран и США, которые также должны взять на себя определенную долю ответственности за его трагические последствия.

Многочисленные документы убедительно свидетельствуют, что между сталинским режимом и правительствами ведущих европейских стран и США была заключена сделка, причем для последних на более выгодных условиях. В частности, европейцам сыграл на руку мировой экономический кризис, обрушивший цены на зерно, и поставивший Советский Союз в тяжёлые условия. Чтобы компенсировать потери, ему пришлось вывозить гораздо больше зерна, что обусловило усиле-

ние нажима на зерновые экспортные районы страны при проведении хлебозаготовок. Вот лишь два документа на эту тему:

Из письма И.В. Сталина В.М. Молотову от 24 августа 1930 г.: «Найдутся мудрецы, которые предложат подождать с вывозом, пока цены на хлеб на междун[ародном] рынке не подымутся "до высшей точки". Таких мудрецов немало в Наркомторге. Этих мудрецов надо гнать в шею, ибо они тянут нас в капкан. Чтобы ждать, надо иметь валютн[ые] резервы. А у нас их нет. Чтобы ждать, надо иметь обеспеченные позиции на междун[ародном] хлебн[ом] рынке. А у нас нет уже там давно никаких позиций, – мы их только завоевываем теперь, пользуясь специфически благоприятными для нас условиями, созданными в данный момент. Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба»²⁴.

Из выступлений А.И. Микояна, на октябрьском 1931 г. пленуме ЦК ВКП(б): «нам пришлось увеличить против первоначального плана экспорт хлеба в силу потребности в валюте на оборудование для индустрии. Мировой кризис привел к резкому падению цен на с/х продукты, в том числе и на наш экспорт»²⁵.

В сложившейся ситуации оказалась реализована формула «Хлеб в обмен на валюту, валюта в обмен на станки и обратно в том же направлении». Советское зерно по более низким ценам, чем у конкурентов, было куплено ведущими странами Западной Европы, в том числе в обмен на загрузку попавшей в кризис европейской промышленности советскими заказами.

---

²⁴ Там же. С. 203 – 204.

²⁵ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 198.

Показательным в этом плане является директива Политбюро ЦК ВКП(б) торгпреду СССР в Италии Левенсону от 27 августа 1931 г.: «Принять предложение т. Сталина о добавлении к директиве пункта о том, что в случае неудовлетворения наших требований (имеется ввиду квоты на поставку пшеницы) прекратим дачу заказов и сократим вывоз из Италии»²⁶.

Таким образом, насущные потребности индустриализации заставили сталинское руководство запустить механизм форсированной выкачки из деревни ресурсов, прежде всего хлеба. Эта проблема заслонила собой всё остальное, в том числе негативные последствия такой политики для сельского хозяйства страны.

В течение двух лет сельское хозяйство СССР кардинально изменилось и превратилось в колхозно-совхозный строй. И здесь, на наш взгляд, для понимания механизма трагедии очень уместным является цитата из последней монографии Моше Левина «Советский век»: «Такое состояние сельского хозяйства представляло собой драматический пример вышедшей из-под контроля модернизации»²⁷.

Следующий и последний наш тезис. И.В. Сталин не хотел и не планировал голода. Он стал результатом порожденных его политикой проблем, неожиданных для режима, а также слабых сторон последнего, или его «родимых пятен», во всей красе проявившихся в функционировании созданной Сталиным государственной системы управления.

Самым непредвиденным для сталинского режима последствием коллективизации стала реакция крестьянства на коллективизацию. Его

---

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 174, 179.

²⁷ Левин М. Советский век. М., 2008. С. 249 – 262.

сопротивление оказалось сильнее и глубже, чем ожидалось. Изъятие из деревни так называемых кулаков не привело к её покорности.

На крестьян не подействовала также и мощнейшая пропагандистская кампания насчёт преимуществ колхозного строя, тракторов, культурной революции и т.д., поскольку их реальная жизнь в сталинских колхозах (работа за палочки, выкачка заготовителями зерна и других продуктов, не считаясь с их интересами и при плохом, и при высоком урожае), являлась более сильным агитатором.

Поэтому с первого же года коллективизации они начали свою войну против государства «оружием слабых», то есть без особого энтузиазма выполнять государственные повинности, работать в колхозах, названных ими по аббревиатуре ВКП(б) – «вторым крепостным правом большевиков». Кульминацией противостояния советской деревни и сталинистов стал 1932 год, навсегда вошедший в историю как год сталинского закона о «5 колосках» и беспредела чрезвычайных хлебозаготовок, закончившихся ужаснейшим голодом. Крестьянское сопротивление стало одним из факторов снижения уровня сельскохозяйственного производства, урожайности зерновых хлебов и продуктивности животноводства²⁸.

Непредвиденным последствием коллективизации стал стихийный исход из деревни миллионов самых трудоспособных крестьян в города, ещё больше ослабивший людской потенциал сельской экономики, итак уже подорванной раскулачиванием, резко обостривший проблему продовольственного снабжения городов²⁹.

---

²⁸ См.: Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревне. С. 66 – 171.

²⁹ Всего за период с 1929 по 1932 гг. убыль сельского населения по причине миграции в города составила 6876,4 тыс. человек. – В.К.

Незапланированным для режима стало катастрофическое сокращение поголовья скота в первые два года коллективизации, численность которого была восстановлена только в 1958 году. Решающую роль в этом сыграла бескормица как результат хлебозаготовок. По подсчетам С. Уиткрофта, зерно на корм скоту в сельском хозяйстве СССР сократилось с 18,5 млн. т в 1928 году до 10,2 млн. т в 1932/33 г.³⁰ Кроме того, скота не стало из-за его активного убоя крестьянами на еду в условиях бескормицы и бескормицы по причине тех же хлебозаготовок. Это также резко усугубило продовольственное обеспечение страны.

И.В. Сталин и его сподвижники всю вину за упадок сельского хозяйства в результате коллективизации возложили на крестьянство. Но оно не было виновато в развале сельской экономики. Голод наступил не потому, что они плохо работали. Он наступил потому, что так работала созданная вождём бюрократическая система управления сельским хозяйством, которая, осуществляя политику вождя, развалила его в течение трех лет коллективизации. Именно по этой, а не какой иной причине, в стране возник огромный дефицит продовольствия. По данным того же Уиткрофта, продовольственное потребление в сельском хозяйстве СССР упало с 31,2 млн. т в 1928 году до 18,4 млн. т в 1932/33 году, то есть почти на 60%³¹.

Пороки сталинской бюрократической машины в сфере управления сельским хозяйством страны в годы первой пятилетки можно кратко охарактеризовать следующим образом.

Выполняя политическую волю сталинского руководства, Наркомснаб, Комитет заготовок, Колхозцентр и другие учреждения

---

³⁰ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 854.

³¹ Там же.

спланировали нереальные с точки зрения организационно-хозяйственного состояния аграрной экономики планы обязательных поставок сельхозпродукции колхозам, совхозам и единоличным хозяйствам. В целом, не смотря на определенные колебания, в ряде случаев весьма серьезные, их поддержал и обеспечил выполнение партийно-советский аппарат на местах. В результате хлебозаготовки обескровили деревню³².

В 1930 – 1932 гг. не сработала «подушка безопасности» для колхозов, каковой должны были стать фабрики по производству зерна, молока и мяса – совхозы. Из-за бюрократической неразберихи и издержек планирования они полностью обанкротились, сорвав выполнение всех государственных планов. Их недоимки были наложены на колхозы и единоличные хозяйства, ещё больше усугубив их и так тяжёлое положение³³.

Уничтожив оппозицию, Сталин стал заложником созданной им системы бюрократической дисциплины, когда не допускалась критика его политики, поощрялось беспрекословное выполнение директив Центра, причем любой ценой. В результате повсеместное распространение получили так называемые «перегибы на местах», очковтирательство, сокрытие от Центра реальной обстановке в стране. Наиболее яркие примеры на эту тему – это ситуация на Украине, руководство которой до последнего скрывало от Центра масштабы кризиса и уже наступившего голода³⁴.

Отрезвление и осознание реальной ситуации в сельском хозяйстве страны, видимо, наступило для сталинского руководства в начале 1932

---

³² См.: Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 97 – 100.

³³ Там же. С. 97.

³⁴ Там же. С. 100.

г., когда голод уже терзал основные зерновые районы страны и Казахстан, и возникла реальная угроза срыва посевной кампании.

Чтобы изменить её весной 1932 г. были предприняты меры так называемого «неонэпа»: разрешение колхозной торговли после выполнения государственных планов и т.д. Но меры эти оказались запоздалыми. Сельское хозяйство уже было подорвано коллективизацией и хлебозаготовками, крестьянство не верило власти. Отсюда массовое воровство колхозного хлеба, бегство крестьян в города, срыв уборочной кампании в 1932 г.³⁵

В данной ситуации хорошо известные в литературе чрезвычайные меры по сохранению колхозного строя, предпринятые сталинским руководством во второй половине 1932 г. – начале 1933 г., приведшие к трагедии, были предопределены. Их суть заключалась в установлении государственного контроля над всеми продовольственными запасами в стране и сельским населением. На наш взгляд, так, как действовало сталинское руководство в этой ситуации, должна была действовать любая другая власть, ибо необходимо было не допустить всеобщего хаоса и окончательного развала экономики. Но ситуация эта возникла не сама по себе, а по вине сталинского режима.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, механизм возникновения голода в СССР в начале 1930-х гг. можно представить следующим образом:

Первое – решение об организации масштабного экспорта зерна ради продолжения индустриализации и его осуществление с помощью насильственной коллективизации путём резкого увеличения государственных хлебозаготовок;

---

³⁵ См. об этом подробнее: Трагедия советской деревни. Т. 3.

Второе – упадок сельского хозяйства в 1931 – 1932 гг. как результат этих мер и коллективизации в целом.

Третье – крестьянское сопротивление политики власти, усугубившее ситуацию;

Четвертое – чрезвычайные меры второй половины 1932 г. – начала 1933 г. по сохранению сельского хозяйства и закреплению сельского населения в колхозах. Причем они использовались сталинским режимом в сложившейся обстановке и для решения других проблем, напрямую не порожденных кризисом, но связанных с ним и очень важных для режима с точки зрения его укрепления и стабильности (например, борьба с украинским национализмом, спецами в Наркомземе и т.д.).